

**Воспоминания о старце Зосимовой пустыми
иеросхимонахе Иннокентии
монахиня Варвара (Пыльнева)**

Иеросхимонах Иннокентий (Орешкин)

Будущий старец и один из духовников Зосимовой пустыни родился в 1870 году в деревне Ерюхино Калужской губернии и был крещен с именем Иоанн. Происходил он из простой и довольно бедной семьи. Мать его звали Натальей, отца – Игнатием. Об отце известно, что он был очень добрым, всегда охотно делился с нищими, напоминая себе и близким, что лучше подать, чем принять.

Иоанн с детства любил молиться. Особенно он почитал святителя Николая, обращаясь к святому со всеми своими нуждами. Так однажды он хотел купить себе бабки для игры с ребятами, а денег не было. Он попросил святителя – и неожиданно получил желаемое.

До двадцати семи лет Иоанн жил дома. Потом тайно от всех ушел в Троице-Сергиеву Лавру, «к Черниговской Матушке» (к Черниговской иконе Божией Матери – в Черниговский скит). Ему дали послушание продавать свечи, крестики, иконки. Иоанн переживал, что нет у него духовного наставника. С этой скорбью он пошел к знаменитому Гефсиманскому старцу преподобному Варнаве. Тот посоветовал открывать свои помыслы Божией Матери, а сам сказал только: «В Зосимову пустынь придешь – на гостиницу попадешь». Так и случилось. Оказался новоначальный послушник в Зосимовой пустыни.

Зосимова пустынь – монастырь, расположенный в живописном месте на берегу речки Молохчи. Основателем обители считается схимонах Зосима, который в середине XVII века пришел сюда с келейником из Лавры преподобного Сергия, любя тишину и уединение. Народ ценил старца как мудрого советчика, молитвенника, подвижника и долго хранил о нем память.

О том, какое дерзновение имеет пред Господом преподобный Зосима, свидетельствует рассказ схимонаха Симона о видениях, которые он имел в течение нескольких лет (с 1913-го по 1917 годы). Приведем дословно этот замечательный рассказ.

«Со времени моего водворения в Зосимову пустынь, мне часто снился один и тот же сон. Себя я не вижу, но отлично сознаю, что прочно и твердо стою на каком-то возвышении с внешней стороны Святых ворот, откуда обнимаю взором как бы поверх крыши здания и внутренность монастырского двора. По дороге, ведущей в обитель, медленно движется несметная толпа богомольцев. У Святых ворот с внешней стороны по правую руку, если смотреть из ворот на дорогу, стоит сам хозяин места –

блаженный старец Зосима. Вижу его приблизительно таким, каким он изображен на снимках, только выражение его лица мне показалось не таким строгим, а более приветливым, в особенности поразительны глаза – добрые-предобрые, преисполненные любви. Блаженный старец держит обеими руками большой черный крест особой формы на высоком древке и приклоняет этот крест над народом, входящим в Святые ворота. Зрелище торжественное, умирительное, потрясающее! Народ входил в собор. Первые два – три раза, что я видел этот сон, я поражался, что такая несметная толпа входит в храм и никто из него не выходит. По сему поводу я выразил удивление кому-то, стоящему рядом со мной. Этот кто-то, которого я, однако, не видел, давал мне такое объяснение:

– Разве ты не знаешь, ведь это – души умерших. Они так же считают своим долгом почтить вместе с живыми останки блаженного старца в благодарность за полученные многочисленные облегчения и помощь от Господа по молитвам великого старца, иными еще при жизни, а другими и после смерти.

Души бесплотные места не требуют, им нигде не тесно. Вот поэтому собор наш может вместить их неограниченное количество. Облик же плотской души усопшие восприняли по велению Божьему, дабы в глазах людских еще более и нагляднее прославился великий угодник Божий.

При последующем повторении сна я уже никого не вопрошал и ни от кого объяснений не получал, а лишь в страхе Божиим созерцал дивную картину и просыпался в каком-то особенно мирном радостном настроении. Так продолжалось до 28 января 1914 года. В ночь с 24 на 25 января тот же сон повторился, но с некоторым добавлением: в соборе шла обедня и доносилось оттуда поразившее меня пение. Проснулся я по окончании обедни, присел к столу и постарался изобразить на нотной бумаге главнейшие и наиболее характерные мотивы слышанного мною во сне пения. Во время сна внутренности собора я не видел и потому не знаю, кто пел, но, по-видимому, не наш хор, так как пение было более стройно, хотя и не превышало сил человеческих. В особенности поразило меня исполнение Херувимской песни, оно было полно таинственности, почему я поставил в заголовке: «Misteriozo».

В 1913 году, долгое время спустя после впервые виденного мною сна, при входе в церковь Всех Святых, над самыми Святыми воротами (следовательно, над тем местом, на котором я вижу во сне стоящим блаженного старца Зосиму) поставлено распятие (вывезенное из Иерусалима и пожертвованное в нашу обитель иеромонахом Акакием из

Лавры). Крест этот по форме очень приближается к тому кресту, который, как мне представляется во сне, держал обеими руками блаженный старец.

Икона преподобного Зосимы Владимирского

Отец Алексей настолько заинтересовался означенными снами и так поражен был частой их повторяемостью, что 25 января 1915 года, в пятницу, когда я у него был на откровении помыслов, благословил меня при первом же повторении сна подойти к блаженному старцу схимонаху Зосиме и спросить его, что означает упомянутый сон, столь часто повторяющийся. Я начал было возражать отцу Алексию, что я страшусь исполнить его поручение, что до сих пор я активного участия в разворачивающемся действии во сне не принимал, а оставался все время пассивным зрителем.

– А я все-таки благословляю Вас подойти к блаженному старцу Зосиме и спросить его о значении означенного сна, – сказал отец Алексей, – Сошлитесь на меня, – добавил он, – Скажите, что я, Ваш старец, благословил Вас на это.

Я ответил, что постараюсь исполнить его приказание и просил его святых молитв. Сон не замедлил повториться. Я видел его под утро 25 января. Вспомнив, что мне нужно подойти к блаженному старцу Зосиме, я начал делать невероятные усилия, чтобы сдвинуться с места, но долгое время мне это не удавалось и я этим терзался. Наконец, я как-то очутился в толпе, продвигавшейся к Святым воротам. Когда дошла очередь до меня, я поклонился блаженному старцу в ноги и, стоя на коленях, сказал:

– Старец мой благословил меня спросить Тебя, святой отче, что означает сон, который я так часто вижу.

Блаженный старец Зосима, держа крест в левой руке, правую руку положил мне на голову и отвечал:

– Скажи своему старцу, что он сам знает, что означает сей сон.

На этом я проснулся. Обо всем этом я доложил отцу Алексию 30-го января. Он сказал мне, что может объяснить сон лишь в смысле приближения времени прославления схимонаха Зосимы. К этому следует добавить, что всякий раз после упомянутого сна я просыпаюсь настроенным особенно мирно и радостно. Ко сну 8 июля было знаменательное добавление. Среди толпы, приближающейся к нашей обители, недалеко от ворот заметил я митрополита Филофея (Киевского), бывшего архиепископа Тверского и Кашинского. Владыка был очень расположен к моим родителям, жившим в Твери, часто у нас бывал и мне, недостойному подростку, оказывал незаслуженную любовь и ласку. Руководствуясь порывом чуткого детского сердца, я не только благоговел перед святителем, но считал его святым и продолжаю считать и поныне.

Уже много народа прошло в ворота обители, когда я заметил среди приближающихся митрополита Филофея. Подметил я владыку в том месте, где начинается дорога, ведущая к святому колодцу. Как я очутился у ног владыки, я не отдаю себе отчета, помню только, что когда я встал, то получил от него благословение. Затем последовала между нами следующая беседа. Я:

– Что привело Вас, владыко, сюда в настоящие скорбные дни, когда решается вопрос о бытии Православия вообще и православного монашества в особенности?

Владыка:

– Привело меня, во-первых, чувство, которое, смотри, руководит вот этой толпой, – желание смиренно воздать должное молитвеннику земли русской

– основателю вашей обители. Сила блаженного Зосимы заключается в том, что он проявил беспредельную христианскую любовь к ближним. Он дал

обет, Господом ПРИНЯТЫЙ, сделаться вечным предстателем перед Богом за всякого, хоть раз к нему обратившегося. Пойми силу и величие дарованного...» (На этом запись обрывается)

В 1848 году над могилой схимонаха Зосимы устроили часовню. Землю опустевшей к тому времени пустыньки, ставшей собственностью частных лиц, помещица-лютеранка пожертвовала Троице-Сергиевой Лавре после такого чудесного события. К ней пришли монахи с просьбой продать три десятины земли, где была могила старца. Когда она отказалась, монахи исчезли. Помещица попросила узнать, кто их послал. Оказалось – никого не посылали. Вскоре у нее умерла дочь, помещица увидела в этом волю Божию и отказалась от владения.

Наместник Троице-Сергиевой лавры занялся воссозданием обители, но работа закипела только при архимандрите Павле (Глебова, 1892–1904 гг.). В это время были возведены основные строения, в том числе собор в честь Смоленской иконы Божией Матери (и монастырь стал называться Смоленской Зосимовой пустынью), все хозяйственные постройки, ограды, трапезная, кельи. В 1897 году настоятелем пустыни назначили игумена Германа. Став во главе монастырского братства, он особенно старался воспитывать высокие духовные качества у своих иноков.

В лице игумена Германа и нашел будущий старец Иннокентий

духовное руководство, которого так давно жаждал. Позже батюшка рассказывал, как хорошо было у него на душе, когда он ходил каждый вечер к своему духовному отцу для откровения помыслов. Даже если тот, выслушав, не говорил ни слова, все равно в душе воцарялся мир. Вскоре батюшку постригли с именем святителя Иннокентия Иркутского, в то время недавно прославленного.

Старец Алексей после принятия схимы в 1919 году

В конце 1898 года в Зосимову пустынь пришел протоиерей Московского Успенского собора в Кремле отец Феодор Соколов, вскоре постриженный отцом Германом и ставший впоследствии известным старцем Алексием Зосимовским (так высок был авторитет старца, что именно ему было поручено вытаскивать жребий при избрании патриарха; жребий указал на святителя Тихона).

Старчество и было тем магнитом, который привлекал в пустынь многих паломников, особенно из Сергиева Посада и Москвы. Как и

предсказал преподобный Варнава, отец Иннокентий стал в монастыре гостинником.

После кончины Гефсиманского старца (в 1906 году) к отцу Алексию перешли многие из тех, кто искал утешения у отца Варнавы. Игумен Герман, видя умножавшееся число приходящих за советом к отцу Алексию, отменил ему все другие послушания, назначив только духовничество и старчество. Старчеством Зосимова пустынь стала как бы Оптиной в миниатюре, Оптиной для столицы, куда могли

добраться по железной дороге (до станции Арсаки), а далее пешком или на монастырской лошадке. Приток паломников ширился.

В Зосимову пустынь стали стремиться многие жаждущие духовного окормления. Но силы старца Алексия падали, он попросился в затвор. Ему разрешили уединиться. Приезжих стал, в числе других иеромонахов, принимать на исповедь иеромонах Иннокентий, а каждый вечер сам ходил к своему духовному отцу игумену Герману, чтобы проверить себя и посоветоваться. В первое время отец Иннокентий смущался и признался отцу Герману, что не знает, как говорить с приходившими. На это отец Герман ответил: «Духовные дети намучат и научат».

В одном из писем, датированном 1918 годом и адресованном некоей Анне Ивановне, старец Алексий Зосимовский так отозвался об отце Иннокентии: «Он хороший монах, смиренный, рассудительный и умеет себя держать в вашем круге. По-моему он для вас подходящий руководитель».

В 1922 году в Москве закрыли женский Алексеевский монастырь. Некоторые из насельниц, по благословению отца Иннокентия решили жить общинкой, которую он обещал навещать. Вскоре скончался схиигумен Герман. Над Зосимовой пустыней нависла угроза закрытия.

В 1923 году, 8-го апреля отец Иннокентий записал, что расстроился, так как ожидалась комиссия. Говорили, что закроют храм, разгонят монахов. Поневоле приходили мысли: что делать? куда деваться? что дальше будет?

«И вот в среду вижу я как бы в тонком сне, что стою в нашем соборе сзади, где всегда стоял батюшка (вероятнее всего, схиигумен Герман – Г. П.) и чувствую, что батюшка стоит рядом со мной и молится, а по ту сторону от батюшки – отец Мелхиседек. Батюшку я не вижу, а чувствую, что он здесь, как живой, рядом со мной. Смотрю – церковь вся освещена, вся горит огнями, все паникадила, все как на Пасху, но свет от них в 5 раз сильнее. Все залито светом. И в алтаре все горит ярко каким-то необыкновенным синеватым светом. Церковь вся полна народа. Служба

идет и все так благоговейно стоят и молятся. Батюшка сошел со своего места и пошел в алтарь. Я чувствовал и там его присутствие. Проснулся успокоенным, утешенным...»

Прошло немного времени и стало известно, что монастырь закроют, оставят как рабочих 40 человек, остальных выселят. Все расстроились, плачут. Вышел отец Иннокентий, попробовал поговорить с братией – еще горше ему стало.

«Почувствовал я тогда, что спасение в Боге за молитвы батюшки, ушел в алтарь и стал всю свою скорбь говорить батюшке как живому:

– Батюшка, помоги мне твоими святыми молитвами. Ты видишь, как я скорблю, как мне тяжело, совсем я изнемогаю. Помоги мне, облегчи мою скорбь, к кому же я пойду, как не к тебе...

Только я так помолился, как почувствовал, будто кто с меня тяжесть великую снял. Как камень свалился с души и стало на душе легко, спокойно, радостно, как давно не было, так что я потом народ принимал спокойно, и отцу Мелхиседеку рассказал все...»

Вскоре монастырь закрыли. Монахам пришлось разойтись. Отца Иннокентия устроили в деревню Олисово за Клином. Там у инокини Е. был большой сад, в котором стоял домик и был пчельник в 20 ульев. Здесь отец Иннокентий жил до 1934 года. Потом сюда приехал отец Мелхиседек. Он помогал окормлять сестер, живших, общинкой, которая разрасталась. Иногда отец Иннокентий ездил к ним, иногда они приезжали в Олисово.

Время было трудное, монастыри закрыты, на монахов – гонения. Решили, что общине не уцелеть и лучше разойтись. Сестры разошлись, стараясь держаться по два, три, четыре человека вместе или селиться поблизости. Пока было можно, то есть до начала массовых арестов монашествующих, посещали своего духовника, а в марте 1934 года отца Иннокентия арестовали. Вместе с ним арестовали и отца Мелхиседека, и мать Иннокентию и многих других.

О своем пребывании в тюрьме отец Иннокентий рассказывал впоследствии своим духовным детям, что старался не входить в разговоры, обсуждения создавшегося положения, а устроившись в уголке читал молитву Иисусову. Однажды во время молитвы он услышал знакомые слова: «Благовествуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию славу». Как-то во сне он увидел своего духовного отца – схиигумена Германа, позвавшего его по имени и напомнившего: «Молись усерднее Господу и Божией Матери». Оказалось, что в это время решалось дело отца Иннокентия. Утром вызвали с вещами. Естественно, все заволновались,

что батюшку повели на расстрел, но ему объявили решение: три года вольной ссылки и 5 дней свободы, чтобы собраться и выбрать место пребывания.

Домик в Олисове, где жил отец Иннокентий после ссылки (до переселения в Сходню)

Было еще рано – три часа утра, когда отца Иннокентия выпустили. Он подождал рассвета и поехал в храм Воскресения Христова, где служил знакомый священник, причастился Святых Тайн и смог эти пять дней, отпущенных ему на свободе, пробыть у своих духовных детей. Такое же решение вынесли матери Иннокентии. Она приехала с теми же сестрами. Решено было отправиться матери Иннокентии – в Вологду, а батюшке в Оренбург. Его проводили, а местный архиерей Арсений (Соколовский) очень рад был, что встретил в лице батюшки такого духовного руководителя, без которого тяжело ему было. Владыка устроил его на квартиру к своим духовным чадам. Отца Иннокентия в Оренбурге мучила экзема, тяжело переносил он жару, доходившую до пятидесяти градусов.

Через три года он освободился. Освободили и мать Иннокентию. Она нашла батюшке место в городе Данилове Ярославской области, а сама вернулась в Вологду, откуда ей было легче заботиться о нем. Но нашлись люди, которые предали мать Иннокентию. Ее снова посадили в тюрьму, где она и скончалась.

Панихида над иеросхимонахом Иннокентием

При жизни мать Иннокентия собирала все, что могла, стремясь сохранить как можно больше о батюшке Иннокентии.

Мать Иннокентия (в миру – Екатерина Сергеевна Хвостова) получила блестящее образование за границей, свободно владела европейскими языками, была фрейлиной одной из Великих княжон. Отец Екатерины был министром, мать – начальницей Московского Елизаветинского института. После революции семья поселилась в Сергиевом Посаде. Когда мать Иннокентия была в ссылке в Вологде, с нею встретилась там мать Леонтия, которая в своих воспоминаниях («Московский журнал» № 12 за 1993 год, №1 и №3 за 1994 год) дает образ серьезной и глубокой монахини, воспитанной Зосимовскими старцами. Батюшке Иннокентию она была всегда преданна и послушна. После кончины матери Иннокентии все материалы, относящиеся к Зосимовой пустыне и ее старцам, переданы были митрополиту Вениамину (Федченкову) в Ригу. Владыка интересовался отечественными подвижниками и духовной жизнью наших обителей, но его вскоре перевели на другую кафедру, а в 1961 году он скончался. В книге владыки Вениамина «Божьи люди» есть упоминание об отце Иннокентии.

В памяти знавших старца остались сведения о трех монахинях, носивших то же имя – Иннокентия. Одна из этих монахинь умерла тогда, когда отец Иннокентий жил еще в Зосимовой пустыни, болел брюшным тифом так тяжело, что ожидали его смерти. Мать Иннокентия усердно молилась Матери Божией, чтобы Она исцелила батюшку, а ее взяла вместо него. Вскоре батюшка поправился, а мать Иннокентия заболела и

неожиданно скончалась. Похоронили ее на монастырском кладбище.

Была еще и третья мать Иннокентия. Она пережила старца и считала, что собирать сведения об отце Иннокентии можно лишь особо доверенным лицам.

Имя батюшки Иннокентия встречается в книге С. Л. Четверухина, посвященной старцу Алексию (Соколову). Не раз приводятся воспоминания разных лиц о том, что отец Иннокентий в последние годы жизни старца Алексия помогал ему исповедовать приезжих. Имя батюшки встречается в перечне духовенства, прибывшего на отпевание отца Алексия в Сергиев Посад 22 сентября 1928 года в храм святых апостолов Петра и Павла, – как иеросхимонаха и духовника Зосимовой пустыни. Духовником обители он стал задолго до ее закрытия.

Читая книгу о старце Алексие, невольно вспоминаешь тот уклад жизни, то же отношение к кающимся, хотя и не высказываемое, но вполне осязаемое даже в далекие теперь мои детские годы. Этот уклад влек многих к немощному уже и весьма пожилому батюшке Иннокентию.

Когда батюшка после всех ссылок жил в Данилове, ему привозили сюда много писем. Читать и отвечать на них он мог лишь при свете свечи. Это отразилось на зрении. Он стал слепнуть.

Много скорбей было у отца Иннокентия. Шла война. Вся духовная семья была рассеяна: некоторые оказались в оккупированных местах, другим годами не удавалось приехать к нему. Кто мог – писал записки и передавал с надежными людьми. Наконец в 1945 году батюшке нашли местечко ближе к Москве, где еще оставались его духовные чада. К лету 1946 года его устроили в селении близ станции Сходня в 30 км от Москвы. Здесь он прожил более 3-х лет, стараясь принять всех, особенно тех, с которыми многие годы не виделся.

Десятого марта (по новому стилю) 1949 года старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Иннокентий отошел ко Господу.

Воспоминания о батюшке Иннокентии

Рассказать о своем старце – иеросхимонахе Иннокентии – я могу очень мало, к сожалению. Но и это малое все-таки хочется оставить, чтобы и оно не пропало. Уже почти пятьдесят лет прошло со дня его кончины. Многих из тех, кто хорошо знал отца Иннокентия, уже нет в живых. Мне Бог дал счастье узнать о нем, бывать у него в келье, исповедоваться в детском возрасте. Многие я услышала и запомнила о батюшке из рассказов взрослых уже после его кончины.

Как мы узнали о батюшке?

Жили мы в подмосковном городке, утопавшем в зелени садилов, разросшихся вокруг маленьких одноэтажных домиков. Железная дорога делила его на две части. Одна – левая по ходу поезда из Москвы – была центром городка, где располагались школы, аптека, поликлиника, библиотека, магазины, а другая – правая – влекла тишиной, обширными садами и близостью леса. Вот здесь-то, на самой окраине одной из линий Красной Сосны стояла избушка с сараем. Хозяйка из жалости отдала этот сарай двум монахиням московского Алексеевского женского монастыря. Они оборудовали в нем себе келью, ставшую одним из «центров связи» для многих из духовных чад отца Иннокентия. Одна из матушек поступила работать санитаркой в единственную поликлинику, где в это время работала медицинской сестрой хирургического отделения моя старшая тетушка. Мать А. была в ее непосредственном подчинении. Тетушка, будучи сама добросовестным, трудолюбивым и ответственным работником, присмотревшись к новой санитарке, стала уважать ее как надежного сотрудника. Скоро она узнала, что мать А. была в монастыре, что живет она с другой монахиней, у которой болят ноги и она не ходит совсем, что вокруг них целый «штат» старушек. Тетушка всегда отличалась добротой и умением незаметно помогать другим. Мать А., видимо, оценила ее отзывчивость, искренность и умение держаться очень скромно, молчать и не любопытствовать. Прошло немного времени со дня их знакомства, и мать А. рассказала тетушке о своем старце, предложив написать ему о всех трудностях и проблемах.

Скорее всего, мать А. предварительно рассказала отцу Иннокентию о своем «начальстве» и получила его благословение на такую откровенность. В то время были основания не доверять друг другу, и люди не спешили делиться сокровенным. Мать А. пригласила тетушку в свою келью. Сначала меня туда не брали, опасаясь, что я буду с кем-то делиться

новыми впечатлениями, но потом мы стали ходить туда вместе с тетушками.

Какой мне представилась эта келья?

Внешне – сарай как и у всех, только маленькое окошко около двери, совсем маленькое, с тетрадный лист. В стене, выходящей в огород, прорубили другое окно, побольше. Две ступеньки вниз – и попадаешь в очень темные сенцы, потом в маленькую кухоньку, где еще как-то размещался стол, кровать, сундук с керосинкой. Была ли печь? Не помню, помню, что всегда было тесно, всегда что-то варилось, кипел чайник. Из кухни дверь вела в келью. Как только переступишь порог, сразу видишь Святой угол, много икон, несколько лампад. Тогда меня удивило название одной из икон Божией Матери – «Грузинская». Я думала, что Православие – наше, русское, а вот оказалось, что и для грузин оно – свое. Позже я узнала, что в Алексеевском монастыре был список с почитавшейся, особенно в XVII веке, Грузинской иконы Божией Матери. Естественно, что многие насельницы имели в кельях своих списки с чтимого образа, хотя и небольшие по размеру. В центре комнаты стоял большой длинный дощатый стол, рядом – лавки. Когда было много приходящих, стол пододвигали к высокому деревянному дивану, на котором спала мать А. Такие диваны-комоды стремя рядами вместительных ящиков мне приходилось и потом видеть в кельях некоторых монахинь, сумевших их сохранить и вывезти из закрывавшихся монастырей. Они очень удобны и вместительны. Над диваном висел написанный маслом на холсте двойной портрет старцев Зосимовой пустыни – схиигумена Германа и иеросхимонаха Алексия. Были в этой келье еще диван, высокий шкаф и много икон. Они висели везде, где только было место. Окошко открывалось в маленький огород, зеленевший укропом и луком. Высокий старый раскидистый боярышник закрывал этот уголок от любопытства соседей: помогал ему в этом и высокий забор. Дальше жилья не было, начинались владения пионерлагеря. Совсем рядом с этой кельей и маленьким огородом протекал ручей, заросший высокой крапивой, чуть дальше был пригорок с земляникой, а еще дальше – лес. И все это недалеко от Москвы (по Ленинградскому направлению)!

Кто бывал в этой келье?

Почти всегда «свои», только те, кто был знаком с матерью А. и только по ее приглашению. Последнее касалось знакомых, «благодетелей» или родственников тех, кто приходил свободно, на правах «своих». «Свои» составляли духовную семью отца Иннокентия. В основном это были монахини разных монастырей, чаще всего – московских или

подмосковных. Многие к этому времени лишились своих духовных руководителей, оказались вне привычной среды. Многие прошли ссылку. Кое-кто смог избежать ее, поступив работать в поликлиники, в больницы, в лаборатории, в артели (где шили или стегали одеяла). Реже удавалось устроиться работать в храме.

Иеросхимонах Иннокентий

Были и такие, которые считали для себя невозможным работать «в миру». Их кормили те, кто никаким трудом не гнушался. В основном, монашенки были преклонного возраста, иногда помоложе, кто-то – средних лет. Совсем молодых не было. Обычно это были те, кто жаждал иноческой жизни, но по условиям времени не мог надеяться на это и «прибивался» к старым монахиням.

Как же произошло знакомство с батюшкой?

Мать А. предложила передать ему письмо от тетушек. Батюшка ответил. Волнений и переживаний было много и тетушки снова написали. Из ответов отца Иннокентия они постепенно уверились, что батюшка им сочувствует, сопереживает, о них молится. Такое отношение утверждало их в решимости быть предельно откровенными, искренними, с доверием говорить обо всем, что волнует. Это им приносило облегчение. Все больше и больше батюшка входил в нашу жизнь, во все ее сложности, тревоги,

недоумения. Он присылал краткие ответы, где все было очень знакомое и, вроде бы, не прямо относящееся к заданному вопросу, но тетушек, думаю, утешало более всего сознание, что батюшка молится о них – помнит и молится – остальное все устроится, как надо. Господь поможет: ведь батюшка молится...

В это время и я узнала об отце Иннокентии. Это было в 1946 году. Рассказы тетушек были полны не просто уважения к батюшке и благодарности, они прямо благоговели перед ним. Это чувство было неотделимо от уверенности в чудодейственной силе его молитв, его благословения. Меня это почему-то не интересовало тогда. Я потихоньку присматривалась к тем, кто его окружал, а о самом отце Иннокентии у меня было весьма смутное представление, но уважение и полное доверие были.

Вдруг мать А. сказала, что батюшка благословил нас, всех троих, приехать к нему. Это благословение застало нас врасплох. Мы не думали, не мечтали даже о такой возможности и поэтому в первый момент растерялись. Ехать надо было недалеко. Батюшка жил в подмосковной деревеньке, куда электричка могла доставить за полчаса. Стали собираться. Главная забота – не забыть сказать о самом нужном, спросить о том, что более всего тревожит. Тревожило же тетушек чаще всего то, как складывались отношения с родственниками и соседями.

Собравшись ехать на Ленинградский вокзал, чтобы засветло попасть на нужную станцию, мы сосредоточенно молчали. Что-то из продуктов взяли с собой (время было трудное и потому, не договариваясь, питались все «миром» – несли и везли, кто что мог).

Иеросхимонах Иннокентий

Жил отец Иннокентий в обычной деревенской хатке с тремя окошками. К ней мы колесили какими-то улочками, чтобы не вызвать подозрения у соседей. Зимой темнеет рано, и мы до заветного крылечка добрались к вечеру. Прошли на кухню и остановились в небольшой столовой, где обычно все обедали. Надо было дожидаться, когда батюшке о нас скажут, и услышать, как он благословит: подождать или пройти в его келью. К этому времени отец Иннокентий уже вернулся из всех своих ссылок, был болен и слеп. Самое большое, что он еще мог – это выйти из кельи к общему столу.

Ждем. Батюшка вышел, молча благословил всех и сразу же принялся распекать тетушек за непослушание. Они смутились и очень расстроились. «Нам, батюшка, мать А. сказала, что можно», – робко сказала моя старшая тетушка – Е.И. Конечно же, все чувствовали себя неловко. Действительно ли мать А. проявила собственную инициативу или кто-то что-то не так понял, но мне стало ясно, что все это из-за меня. Отец Иннокентий позвал тетушек к себе в келью, а я осталась в столовой. Прижавшись лицом к холодному стеклу, я горько плакала. Не от обиды, а от жалости к себе. Уверенность в духовной опытности старца, его прозорливости внушала мне мысль о собственной никчемности,

неспособности к духовной жизни. Кто-то еще был на кухне, но меня не трогали и это было очень кстати.

Тетушки мои жили открыто, говорили друг другу обо всем, с чем встречались, вместе все обсуждали и поэтому проблемы у них были как бы общими. Их батюшка мог принимать вместе, писать общие записки, давать одинаковые советы. Не знаю, что они говорили отцу Иннокентию обо мне, возможно, успокоили его тем, что нигде и ни кому я ни о чем рассказывать не буду, что даже подружек у меня нет и молчать я умею. Провожая их, батюшка сказал: «Ну раз уж привезли, пусть зайдет».

Вхожу в его келью. Окно занавешено, почти темно. Свет лампы кажется ярче, когда глаза привыкают к темноте. В левом углу иконы и большое Распятие. Справа батюшкина кровать, рядом с ней, ближе к двери – кресло. Если батюшка был в силах, то он сидел в кресле, а пришедший опускался перед ним на колени. Теперь не могу вспомнить, что я ему говорила, в чем каялась, о чем спрашивала. Может быть, не помню ничего потому, что отец Иннокентий тогда так меня удивил и смутил: невозможно было что-то еще попутно удержать в памяти. Сначала батюшка попросил довести его до аналая, затем он прочитал разрешительную молитву и вышел к общему столу. Все прибывшие быстро расселись и батюшка при всем честном народе... стал просить у меня прощения. Просил так степенно, прямо торжественно. Я не знала, куда деваться от общего внимания. Тут же батюшка объявил, что берет меня в число «своих» духовных чад. Это удивило многих: девчонка, да еще с первого раза! Посолиднее люди ждали годами...

Здесь можно только сказать, что батюшке было трудно со многими. На исповеди, естественно, он ждал полного раскрытия души с жадной озабоченностью освободиться от всего мешающего без лукавого самооправдания, ждал серьезного, трезвого, внимательного отношения к внутренней жизни. Помнится, что по времени на исповеди я у него бывала не менее взрослых, а иногда и подольше. Но это позже. Пока же, в первый приезд, когда отец Иннокентий благословил приехать «сестрам больничным» (так батюшка звал моих тетушек, потому что обе они работали медицинскими сестрами, хотя и в разных местах), я попросила благословения приехать и с той, и с другой.

Возвращались мы молча. Не хотелось говорить ни о чем, тем более повторять только что пережитое. Мне казалось, что в жизни начинается новый период, взрослый вполне, что открывается невидимая дверь в иной мир, требующий собранности, серьезности, ответственности. Об этом не говорил мне никто, как-то дошло само.

Встреча с батюшкой утвердила нас как «своих» среди его духовных чад.

Что могу рассказать о нем самом? Очень мало, только то, что после говорили о нем старшие. Многие помнили его в Зосимовой пустыни гостинником. Отец Иннокентий происходил, скорее всего, из крестьян. Судить об этом могу из одного замечания, сделанного батюшкой кому-то за столом: «Я хоть и сам из мужиков, но грубых слов не люблю». Говорили, что батюшка побывал не раз в ссылках, называли их места. Мне запомнились только два: Оренбург и город Данилов Ярославской области. Запомнились потому, что из далекого Оренбурга приезжали к батюшке в Подмосковье и, ожидая приема, рассказывали, как просили Господа духовного руководителя и как рады были появлению в их краях старца из Зосимовой пустыни. Говорили и о том, что отец Иннокентий прошел школу послушания у своих старцев – отца Алексея и игумена Германа, что он был одно время келейником у отца Германа. Говорили, что батюшка усвоил школу старческого окормления, мог быть продолжателем дела своих учителей. Батюшке еще при этих известных старцах Зосимовой пустыни было дано послушание помогать отцу Алексею. Наплыв богомольцев, стремящихся попасть к отцу Алексею, все возрастал, а силы старца таяли. Монастырское начальство решило разделить исповедь и беседу. Для решения особых недоумений и сложных вопросов допускали к отцу Алексею, а на исповедь приходили к другим священникам, в числе которых был и отец Иннокентий.

Колокольня и гостиница (сгорела) Зосимовой пустыни

В 1923 году умер схиигумен Герман. Немного позже, в том же году, закрыли обитель. Иноков разогнали, а некоторые из них оказались в весьма отдаленных местах – естественно, не по своему желанию.

И вот отец Иннокентий в Подмосковье. Ему все хуже и хуже. Он слабеет, чаще лежит, не имея сил подняться. До последней возможности он, все-таки, принимал всех, отвечал на письма.

Жаль, что я тогда не записывала ни своих вопросов, ни ответов батюшки. Пожалуй, основное, что запомнилось, – это стремление батюшки подготовить меня к принятию скорбей жизни. Теперь я думаю, что он как бы спешил заботой и вниманием облегчить будущие внутренние тяготы, впоследствии незримо сопровождавшие меня, согреть пониманием и участием неокрепшую душу, выпрямляя и направляя ее на путь истинный. Помню, как меня удивляло и радовало отношение матери Г. – батюшкиной келейницы и секретаря. Пожилая монахиня, мать Г., умела быть всегда спокойной, ровной ко всем, доброжелательной. Она умела молчать, не страдала любопытством, никогда ни кого не выделяла. Тогда это казалось естественным: иначе батюшка не поручил бы ей такого дела. Мать Г. читала ему письма и писала ответы под диктовку. Всех она старалась успокоить и помочь в любом недоумении.

Как-то раз я была у батюшки в келье. Он сидел в кресле, а я перед ним стояла на коленях. Матери Г. надо было взять таз в этой комнатке. Она громко постучала, быстро взяла таз и вышла. В это время было мало приезжих и мать Г. хотела постирать, пользуясь редкой возможностью, почему и решила побеспокоить нас. Мне она не помешала, я спокойно отнеслась к минутному перерыву, уважая и батюшку, и труды матери Г., а

она боялась смутить любого. Даже тогда, когда я вышла, а кто-то другой вошел к бабушке, она все просила у меня прощения.

Внимательность к каждому воспитывалась бабушкой. Не помню, чтобы кто-то рассказывал о желании «смирить» насмешкой, издевкой, «подколом». Унизить, обидеть, поставить в неловкое положение легко, а вот умиротворить, воодушевить на терпение, готовность принять без смущения свои скорби, ободрить, не обидеться на самые неприятные признания далеко не всем под силу.

Помню, как настойчиво отец Иннокентий советовал съездить к преподобному Сергию, когда вернули Церкви Лавру. Само возвращение верующим всероссийской святыни – Лавры преподобного Сергия – переживалось как праздник, как луч надежды на милость Божию, на Его долготерпение (ведь тогда многих угнетала мысль о близости конца мира).

Игумен Зосимовой пустыни отец Герман

Отец Иннокентий сказал нам, что в Сергиевом Посаде у него есть знакомая монахиня – мать Татьяна, он ее предупредит – и она примет нас всегда, когда мы будем приезжать к Преподобному. Мать Татьяна – невысокая, уже сгорбленная пожилая монахиня из Хотьковского монастыря (в то время закрытого), очень серьезная и даже пугающая своей строгостью, сказала нам: «Приезжайте, когда сможете. Раз батюшка благословил, вам всегда будет место. Хотя бы на полу...» Мы приезжали, нам стелили под образами и мы ненадолго засыпали при свете лампадки, зная, что Лавра совсем рядом.

Особое благоговейное отношение к Лавре преподобного Сергия было, думаю, в нас разбужено батюшкой. Кто-то спросил у него однажды:

– Вот Лавру открыли, будут там монахи. Можно ли будет у них исповедоваться?

– Можно.

– А будут ли среди них старцы и можно ли искать себе духовного руководства у них?

– Духовники будут и будут они набирать себе духовных чад, только многие измучат и их, и себя.

– А как же нам, батюшка?

– Для вас не будет руководителей.

Удивительный этот ответ мне запомнился и в его истинности не приходилось усомниться.

Рассказывали, как отец Иннокентий решил один трудный, мучительный вопрос: как быть, если в душе обида на то, что тебе меньше, чем другим, уделяет батюшка внимания? Одна из чад, измученная этим вопросом, пробовала себя успокоить тем, что у батюшки много подопечных, но это не помогало. Тогда она решила спросить благословения перейти к отцу N. Отец Иннокентий поинтересовался, чем вызвано такое желание. Она со страхом, обидой и волнением сказала, что у батюшки на нее не остается времени и внимания. В ответ батюшка не только не возмутился, не обиделся, а спокойно и просто предложил: «Давай договоримся так. Потерпи еще (он назвал срок – Г.П.). Я постараюсь исправиться. Если у меня не получится, то иди с миром к отцу N.» Спрашивавшая с удивлением заметила, что вся ее обида исчезла, пропало желание искать другого духовного отца и даже ждать указанного срока. Полный мир и довольство всем увозила она в сердце своем от старца.

Многие отмечали, что отец Иннокентий особенно старательно воспитывал в духовных чадах откровенность и полное доверие. Все знают,

как трудно говорить батюшке о своих обидах на него, признаваться в недовольстве им. Отец Иннокентий заранее предупреждал и как мог поощрял тех, кто на исповеди преодолевал страх, стыд, опасение за будущие отношения. Обычно кроме похвалы за откровенность следовала и «награда» в виде вареной картофелины в «мундире», луковицы или морковки, что по тем временам было не меньше пряника или конфетки.

Конечно, батюшке можно было сказать об обидах на него, потому что он радовался в этом случае победе над усилиями врага разбить отношения с помощью всем присущих немощей. Кто же этого не понимает, тому открывать такую немощь не только бесполезно, а даже вредно: больше смущения наживешь. Рассказывали сестры, работавшие вместе на фабрике и жившие в общежитии в Бабьегородском переулке столицы, как они ездили к знакомому иеромонаху на исповедь. Он был духовным сыном отца Иннокентия и, как им казалось, должен был унаследовать от него ту же настроенность. Побыли сестры у него, побеседовали, а возвращаясь домой, упорно молчали друг с другом. Наконец одна из них не выдержала и сказала:

– Меня всю дорогу одолевало смущение, никак не могла отделаться от мысли – хоть и не плох отец N., а все до батюшки не дойдет.

– И меня то же самое смущало, только я тебя боялась на грех навести.

– Надо каяться, батюшка всегда учил такое смущение в душе не таить.

Отец N., выслушав их общее покаяние, быстро отреагировал:

– Больше не приезжайте. Не хорош – не надо.

Тем и кончилось недолгое «руководство».

Из воспоминаний духовных чад отца Иннокентия складывалось и общее впечатление о том, как батюшка организовывал общение. Время было трудное, люди разные, уровень подготовки – тоже. Чтобы легче и плодотворнее было общение, батюшка благословлял держаться группками. Кто-то в них был если не ответственным, то хотя бы в курсе дел членов группки: знал адреса, место работы, положение в семье и т.д. Если что-то случалось, требующее скорого ответа батюшки, то писали и передавали записку с первым человеком, направлявшимся к нему. Как правило, часто общаться не получалось и поэтому большинство регулярно писали батюшке. Никто их не ограничивал: пиши, сколько надо и когда надо. Советовали только сверху надписывать на конверте: «грехи» или «срочно нужен ответ». Тогда мать Г., читавшая записки батюшке, могла «исповеди» отложить на время, а в первую очередь прочитать письмо, где

написано: «срочно нужен ответ». Ответ батюшки писался тут же под диктовку и его довольно скоро получал вопрошавший. На «грехи» ответ мог прийти с другой оказией, попозже. Даже если отец Иннокентий, прослушав чью-то исповедь, никакого особого ответа не давал, все равно приходила записочка от матери Г.:

– Батюшка грехи слушал и сказал: «За покаяние Господь простит».

Такая весточка успокаивала и утверждала в мысли, что батюшка помнит и что Господь по его молитвам сохранит и простит. Придет время – и получит человек благословение приехать. Точно батюшка не указывал день, зная, что может не получиться: или не удастся отпроситься, поменяться сменами, или что-то еще задержит. Отец Иннокентий указывал обычно – «на Святках», «после такого-то праздника...» или «на такой-то неделе Поста...» Одна его духовная дочь рассказывала, что смущала ее необходимость что-то придумывать, попросту – соврать, чтобы ее отпустили и она могла приехать к отцу Иннокентию в определенное время. Успокаивая ее, батюшка советовал на будущее время отпрашиваться к врачу. Пусть начальство одно имеет в виду, а она, собираясь к батюшке, другое. Ведь душу надо тоже лечить, и тут нужен врач.

Вспоминается другой рассказ одной из духовных дочерей батюшки. Как-то она долго и очень подробно говорила ему об Ольге, с которой жила в одной комнате. Эта Ольга делала все не так, как хотелось бы ее соседке. Та терпела, терпела и наконец в ближайшей исповеди вылила батюшке накопившееся раздражение. Он слушал, не перебивая. «Я все рассказала батюшке, какая Ольга. Молчу, нечего говорить больше. Молчит и отец Иннокентий. Потом спрашивает:

– Ты все о ней рассказала?

– Все, батюшка.

– Теперь так же хорошо расскажи о себе.

Легко сказать: расскажи! Я и не знаю, что о себе-то говорить. Молчу... Тут-то я и поняла, что все время только за Ольгой следила, ее поступки расценивала, каждый ее шаг знала... А свои грехи? Про свои грехи мне некогда было думать, я их не замечала. Стою у батюшки, он молчит – и я. Думаю:

– Ну вот каюсь, называется. Мне не за Ольгу отвечать, за себя. Что же я о себе-то скажу?

Батюшка мне не говорит этого, я сама поняла. И прошла у меня с тех пор охота чужие грехи помнить».

Одна молоденькая монастырская послушница рассказывала, что когда

она жила в монастыре, то ни о чем не думала, кроме своего послушания (т.е. порученного ей дела). Закрыли монастырь, разогна

ли всех. Осталась она одна, поступила на работу. Стали ей говорить, что монастырей нет и не будет, что ей можно замуж выйти: надо же как-то устраиваться. Стали предложения делать то один, то другой. Послушница, конечно, отказывала всем, но к ужасу своему стала замечать за собой, что внимание мужчин ее смущает, что она реагирует на случайные взгляды, брошенные в ее сторону. Переживая из-за этого и боясь греха (хотя бы в мыслях), и твердо зная, что грехи врачует исповедь, она решила при первой возможности пойти в храм и исповедоваться любому священнику. Незнакомый священник выслушал ее исповедь и сказал: «Глупости! Выходи замуж и никаких нечистых мыслей не будет. Что ты себе мужика не найдешь?» Помолчав, добавил: «А не найдешь, приходи ко мне».

Монастырская послушница пришла в ужас от такого совета и совершенно потеряла покой, но уже от другого: как быть теперь? кому исповедоваться? Когда можно было ей поехать к отцу Иннокентию, она рассказала ему обо всем. Батюшка ее же и пробрал за то, что, не думая, пошла исповедоваться к кому придется. «Они, – сказал батюшка, – не имеют понятия о духовной брани, нечего их смущать». Успокоилась у батюшки послушница и потом была очень разборчива, выбирала, к кому пойти на исповедь.

Когда закрыли Алексеевский монастырь, то некоторые монахини стали брать на дом работу из артели – стегать одеяла. Закончат положенную норму, сдадут, получают материал для следующей партии – и снова склоняются над огромными пяльцами. Выполнить норму надо было, как известно, в срок: начальство не будет считаться ни с праздником, ни с «правилом». Как успеть все сделать и не оставаться без молитвы? Батюшка благословил всем работать, а одной читать «правило». Можно было меняться. Главное – прочитав положенное, повторять молитву Иисусову, «Богородице, Дево, радуйся...» или что-то еще, не пустословить.

Домик в Сходне, где жил о. Иннокентий с 1946 по 1949 гг.

Помню краткий разговор двух монахинь около шкафчика с посудой. Одна другой говорит: «Эх, уйти бы куда от всей этой суеты. Тяжело жить в миру...» Другая отвечает: «Старец сказал, что теперь пустыню найти можно лишь в собственном сердце», т.е. теперь надо особенно заботиться о том, чтобы в сердце было тихо, спокойно, свободно от шума страстей. Уйти некуда, да и не поможет перемена места.

Помню рассказ тетушки о том, как отец Иннокентий предсказывал, что наши войска выведут из Берлина и в Европе они не задержатся. Было это уже после победы, когда все казалось незыблемым. Я удивлялась, откуда у батюшки такие сведения? Никто не мог ему сказать об этом, до того все было непохоже на существовавшую расстановку сил.

Однажды батюшкина келейница мать Г. предупредила его, что N многое добавляет от себя и верить ей, когда она говорит о других, нельзя. Отец Иннокентий не отрицал этого, но сказал: «Если человек пришел на исповедь, мы (священники – Г.П.) обязаны его выслушать и ему верить. Если он обманывает, то он и в ответе за это, а обижать недоверием нельзя».

Конечно, около батюшки Иннокентия был очень разный народ. Были простодушные, послушные, откровенные, с которыми, без сомнения,

батюшке было много легче, чем с упрямыми и своевольными. Встречались такие и среди монашествующих, и среди мирских. Тех, кто во всем старался настоять на своем, кто стремился добиться своего во что бы то ни стало, батюшка уговаривал, увещевал, терпел долго, пока не убеждался, что все способы исправления исчерпаны, а желание изменить свое поведение не появляется. В таком случае следовал приговор: «Предаю тебя воле Божией. Пусть Господь тебя спасает, как знает. Я уже больше ничего не могу». Этим порывались духовные отношения и этого боялись (не знаю, все ли).

Вообще отец Иннокентий говорил очень просто, кратко, ясно, спокойно. Он часто приводил слова из Священного Писания, примеры из житий святых, пользовался народными пословицами и поговорками. Некоторые записывали запомнившиеся фразы:

- Все меняется, все меняется, одна правда остается.
- Что реку человеку-чудаку и что возглаголю творящему свою волю?
- Бог благословит добро творить, а на плохое сами догадаетесь.
- Стяжи мать добродетелей – молитву, а с ней и дети придут – все прочие добродетели.

- Господь не спросит: «Почему не разбирала чужих дел?», а спросит: «Почему не плакала о своих грехах?»

- За отраду не дают награду, а за скорби, болезни, гонения. Враг не настолько силен нанести тебе зло, какое хотел бы, а насколько Бог попустит.

- Кто тебя обидел? Грехи тебя обидели, они и оскорбили. Грехи не должны остаться без наказания, а что они здесь наказываются – великое Божие милосердие.

А исповедь обычно батюшка заключал такими словами:

- С сегодняшнего дня положи начало благое ко исправлению. Оно полагается не с верхней, а с нижней ступени: со смирения, самоукорения, познания не чужих, а своих немощей.

Чтобы легче было переносить все, батюшка призывал учиться молитве Иисусовой, произносить ее как можно чаще. Если позволяют обстоятельства, то читать ее полностью, а если нет, то хотя бы: «Господи, помилуй!» Обычно батюшка добавлял: «И будет хорошо, даже очень хорошо». Когда ему жаловались на осложнение условий, на усиление скорбей, умножение немощей, батюшка старался обратить внимание на главное, советуя: «Надо усилить молитву».

Иеросхимонах Иннокентий

Батюшкины письма теперь – это рассыпающиеся в руках пожелтевшие листы плохой бумаги, на которых под диктовку писала мать Г. Писала в конце 40-х годов, когда многие боялись хранить следы общения – письма, записи, дневники. Тетушки, вздрагивая при каждом гудке машины, все-таки берегли под сундуком эти письма. Слишком дороги были для них полустертые строки, наскоро написанные карандашом.

Судя по ответам батюшки, да и вспоминая обстановку дома, тетушек волновало то, что все считали жившего от нас через стенку дядю Колю колдуном. Много страхов, разговоров, предупреждений было связано с этим. Написали батюшке письмо, в котором спрашивали: «Что делать в таком случае?» Ответ был таким: «Понуждайте себя к молитве, хотя кратко, но почаще (молитесь – Т.П.) и душа успокоится». Батюшка старался убедить не думать, не говорить, не передавать друг другу новости в отношении соседа. Видимо, он знал, что здесь надо братья за самое существенное, самое действенное средство успокоить душу – молитву.

Время было трудное во всех отношениях и тетушкам очень мешал спокойно жить и трудиться страх. Боялись действия темной силы, направляемой колдуном-соседом, боялись из-за меня (причин для этого было предостаточно), боялись неприятностей на работе из-за посещения храма (куда все-таки шли, невзирая ни на что). Многого боялись: реально существующего и вырастающего в испуганном воображении. Батюшке они писали, что много скорбей, которые не дают им жить и трудиться

спокойно, с молитвой. Отцу Иннокентию нелегко было успокоить их встревоженные души. Он постоянно старался направить мысли тетушек на внутреннее делание. Так в ответ на письмо (с жалобами на скорби) он продиктовал: «Тогда скорбь облегчается, когда мы принимаем ее как от руки Божией и переносим с терпением, обвиняя не людей, а себя. От сего делается успокоение душе». Батюшкины записки успокаивали, а ведь батюшка помнит, молится, и Господь, по его молитвам, поможет как-нибудь все вытерпеть.

Мне в ответ на письмо (видимо, о каких-то неприятностях в школе) батюшка писал: «Смиряться и покоряться тетям, тогда и учение пойдет, и терпение Бог пошлет. Смиряться и всех люби».

Было и так, что писали отцу Иннокентию об одном и том же, жалуясь на соседа, который, будто бы, разбивал со своей стороны нашу общую печку (она ставилась на две комнаты одна). Не знаю, так это было или нет, но помню, что печку перекаладывать звали печника несколько раз. И на все эти жалобы, возмущения батюшка без тени недовольства, нетерпения или досады, отвечал спокойно, сочувственно, доброжелательно и пытался направить мысли тетушек на то, что послужило бы пользе душевной. Так в одном из ответов на очередную жалобу (опять о печке) отец Иннокентий писал: «Что делать, не сами они это делают, а Господь попускает для нашего спасения и терпения.»

В записках у батюшки спрашивали благословение на все дела (печку переложить, что-то нужное купить ...) Он в таком случае говорил, чтобы делали необходимое, но не уходили в эти заботы полностью. И в беседах, и в письмах отец Иннокентий напоминал, чтобы «о душе заботились, почаще Имя Божие призывали». Конечно, все это знали, слышали, читали не раз, но, повторенное батюшкой, напоминание действовало по сказанному: «Сила слова от силы жития».

Когда отцу Иннокентию жаловались на окружающих, он убеждал: «Не скорбите, что вас оскорбляют, а скорбите, когда вы кого оскорбляли. Полагайте начало благое ко исправлению».

В одном письме тетушка признавалась в появлении раздражения на свою мать (у нее был какой-то неприятный разговор с бабушкой). На это отец Иннокентий писал: «Непохвально, что Вы раздражались на маму, попросите у нее прощения». Все очень просто, обыденно даже. Но за этой простотой была сила духовного заступничества, живого участия в жизни своих духовных детей, и потому даже указание на какую-то ошибку не огорчало. Когда недоумевали, как поступить, а возможности попросить у батюшки благословения не было, он советовал: «Как совесть подскажет,

так и поступите».

Иногда некоторые делали так: купят для себя какую-то обнову, а потом придут просить благословения носить ее. Батюшка на это замечал, что о благословении говорить поздно. Если хочешь все делать по совести, «с благословением», то надо начинать с намерения, а не ставить перед фактом. Когда к батюшке обращались за советом о серьезных делах (идти ли на операцию? подавать ли в суд?), то он всегда советовал поговорить со специалистами, потом усиленно помолиться, прося Господа показать обстоятельствами, как надо поступить. Никогда не решал он поспешно, непродуманно, не указывал на единственное, ему кажущееся верным, решение, не настаивал на своем, не грозил наказанием Божиим за непослушание. Не было в словах отца Иннокентия давления, желания заставить подчиниться, имея в виду свой сан, авторитет, положение.

Общение с людьми, чаще всего – измученными, издерганными, больными физически, душевно, он строил на доверии. Вникая во все подробности, он мог посоветовать обратиться к специалисту. Это не воспринималось как желание отойти, перебросить на другого тяжесть ответственности, наоборот было подтверждением стремления использовать все для решения очередного осложнения в жизни обратившегося к нему человека.

Никому в голову не приходило, что у батюшки в келье, за столом, в общей беседе кто-то может позволить себе насмешку над кем-то или, еще хуже – презрение, подчеркивание чьих-то смешных сторон в поведении, словах, мнении.

Когда тетушки писали о притеснениях со стороны соседей, он не уставал повторять: «Не скорбите, без воли Божией и без Его попущения ни диавол, ни люди не могут повредить. Враг не настолько силен, насколько бы хотел, а насколько Господь попустит. Потому нам велел Господь обиды забывать и за врагов молиться. За терпение, смирение и прощение обид Господь обещает спасение».

Когда тетушки жаловались на меня, батюшка просил: «Скажите ей:

– А что батюшка скажет?»

Этим он учил ответственности за каждое слово и поступок, тем более, что обо всем придется говорить на исповеди... Да и огорчать батюшку сознательно, конечно, никто не хотел.

Отец Иннокентий не стеснялся признаваться, что не всегда свободно ориентируется в быстро меняющейся внешней обстановке. Когда его спрашивали (может быть, уповая на его прозорливость), а он не знал всего, то так и говорил: «Я ведь не в курсе внешних дел, а потому только буду

молиться и вас к сему призываю, а Господь и Матерь Божия управят, устроят все на пользу всем. Не скорбите прежде времени, предавайтесь воли Божией и просите помощи у Господа».

Мои успехи и колебания в успеваемости тетушки связывали с ленью, на что жаловались батюшке. Обычно в конце письма им была приписка и мне. Она несла неизменное благословение с пожеланием помощи Божией и напоминание о необходимости «учиться, но не лениться».

Был период в жизни тетушек, когда трудно было с жилплощадью, и одна из них собиралась поехать к третьей сестре – в Тамбов. Обратилась к батюшке за советом. Он ответил: «Умудряйтесь, ведь я всех обстоятельств не знаю. Если удобно будет, то с Богом пусть едет. Только с Богом. С Ним везде хорошо, без Него везде худо».

Главным батюшка считал даже не действие, а намерение. Если обстоятельства подсказывают – можно это учесть, но главное – не выбор того или другого действия, а цель его. Цель для христианина всегда одна: быть с Богом.

Слово «умудряйтесь» часто встречалось в письмах отца Иннокентия. Оно привлекало спрашивающего к живому участию в решении своего вопроса. Батюшка направлял, учил правильно решать все сложные дела, помогая во всем видеть направляющую руку Божьего Промысла. Батюшка никогда не требовал бездумного, механического исполнения «послушания», чтобы следом за этим не укоренилась лень мыслить, думать о своей ответственности. «Умудряться» во всех случаях – это заботиться и о том, чтобы свой мир не потерять и чужой не нарушить.

Опять письмо с жалобами на соседей и на необходимость в очередной раз чинить печку. Батюшка с прежним спокойствием отвечает, что надо умудряться как только можно, чтобы не раздражать соседа и не давать повода к вражде.

В последний год жизни батюшка писал мне уже отдельно. Обычно письма были краткими и потому можно привести их почти целиком. В них мне виделась целая программа на будущее:

– Прошу, будь в послушании и мире с родными, и Господь просветит твой ум к признанию и разумению того, что на пользу душе твоей. За папу и всех родных молись. Проси преподобного Сергия, чтобы он дал помощь и разумение, а главное, имей веру в Бога, любовь к ближнему и послушание к тетям. И Матерь Божия покроет от всех бед и напастей.

Прошу, умоляю – будь внимательна к себе, твори послушание к тетечкам, имей смирение и самоукорение. Эти добродетели тебя спасут и в Царство Божие введут. А если по немощи согресишь, то сознавайся и

проси прощения, и будешь мирна и покойна. Сам Господь сказал: «В терпении вашем спасайте души ваши». За сим будь хранима Господом и Его Пречистой Матерью. Спасайся и за мою худость молись».

Могилка старца Иннокентия (современное фото)

Эти письма были написаны, когда мне было лет 12–13...

За год до своей кончины батюшка Иннокентий почти год не мог принимать и отвечать на письма из-за слабости и болезни.

Скончался батюшка 10 марта (по новому стилю) 1949 года. Хоронить его привезли в Москву на Алексеевское кладбище, рядом с храмом в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Отпевал батюшку по монашескому чину его духовный сын отец Е.

Кладбище «села Алексеевского» в то время представляло из себя заброшенный пустырь. Могилу выкопали недалеко от алтаря, чуть правее центральной оси. На кресте написано: «Блажени мертвии, умирающие о

Господе», и чуть выше: «СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ».

Владыка Вениамин в своей книге приводит и завещание отца Иннокентия.

Завещание иеросхимонаха Иннокентия

Боголюбивейшие и Богом данные мои чада духовные! Чувствую, что силы меня оставляют посредством моей болезни; и, видимо, приближается конец моей жизни. Посему заблаговременно прошу у всех прощения: кого чем обидел или оскорбил – словом, делом или помышлением: простите меня Бога ради! И сам всех от души прощаю и разрешаю. Не надеюсь на себя оправдаться перед Господом по своим великим грехам и немощам. Прошу и умоляю: помогите мне в загробной жизни своими молитвами.

Помню, что в те годы (в 1949 г. завещание батюшки переписывалось от руки всеми желающими) оно меня удивило более всего обращением: «Богом данные мои чада». Это сознание ответственности перед даром Божиим, каким были все мы, удерживало его и тогда, когда по рассуждению человеческому следовало бы наказать. Вспоминала одна из «девчат» уважаемой им матери Татьяны (молодая тогда послушница монахини Хотьковского монастыря, окормлявшаяся у отца Иннокентия), что батюшка говорил: «Другие старцы наказывают своих духовных чад...» Он предпочитал молиться за них, предоставляя Богу исправить тех, кто упорствовал и не слушался. От нее же мне довелось услышать и то, что он сказал незадолго до своей кончины: «Другого духовного отца у вас не будет». Сколько приходилось слышать, ни у кого не складывалось больше таких простых и близких отношений, какие были прежде с отцом Иннокентием. Подтвердились его слова, сказанные духовным чадам: «Будут старцы, но не для вас».

Вспоминается еще беседа с духовной дочерью старца Иннокентия – почтенной монахиней, бывшей уставщицей Алексеевского монастыря в Москве. Мы приезжали к ней после смерти батюшки, в 60-х годах. Ей шел тогда уже десятый десяток, она с трудом передвигалась по комнате, была сгорбленной, но память ее хорошо сохранилась и рассуждала она очень здраво. Вернувшись из ссылки, она доживала (вместе с «послушницей», которая была моложе ее на 3 года) свой век в Подмоскovie.

Ради нашего приезда на столе зашумел самовар. Мы сидели вокруг него и вспоминали отца Иннокентия. Тетушку волновали постоянные толки о том, что будет еще хуже, что дело идет к антихристу и налицо все признаки приближения его царства. Что нас ждет? Куда мы идем?

Очень хорошо помню, что сказала матушка: – Старец отвечал так (видимо, подобные вопросы возникали у многих и батюшку не раз

спрашивали – Г.П.): «Господь допускает народу страдания как экзамен. Он зовет к Себе, напоминает о жизни вечной, достойной человека. Если люди опомнятся, потянутся к Богу, будут ходить в храмы, молиться, каяться, то еще проживем. Господь подождет, потерпит. Если же страдания не образумят людей, то ничего хорошего ждать нельзя».

Этот ответ мне не раз вспоминался. От него струился тогда мир и доверие Богу.

Духовные дети сохранили в памяти некоторые из изречений иеросхимонаха Иннокентия:

Живем, живем, да и умрем, а с чем пойдём? Чтоб как да не угодим Господу? Увы, увy.

«Бдите и молитесь, да не внидите в напасть». Напасть к нам приходит, когда мы оставляем молитву. Оставил Ты меня, Господи, потому что я оставила Тебя. С тех пор как оставила Тебя, не видела ни одного счастливого дня на земле.

Осмотришь, человек, что ты делаешь? Ты потерял веру и совесть, горе тебе, беззаконник. А если в этот час позовет Господь? Что медлишь, впереди Вечность, возврата не будет.

Назначенной от Бога доли никто не возьмет. У Господа богатства на всех хватит, только бери обеими руками, но за смирение и терпение.

«Неужели без скорбей нельзя спастись?» – Никак нельзя. Все святые шли скорбным путем и угодили Господу, а ты хочешь спастись, а скорбей понести не хочешь...

Враг полцарства готов отдать, только бы нарушить мир душевный. Только ослабь бдительность над собой – такую нанесешь бурю...

Все дадут, а молитву никто не даст, если себя не понудишь.

Грех спать, когда люди молятся. Когда трудно вставать, скажи себе: «Анна (каждый свое имя), Господь и Бог мой зовет меня к Себе на беседу». Молитва ведь есть беседа с Богом.

Когда видишь согрешающую, скажи себе: «Он (или она) согрешил, он и сумеет покаяться, а я согрешу – может быть, и не смогу покаяться».

Когда обидят, скажи себе: «Святые какие страшные мучения терпели за Христа, а я и обидного слова не могу вынести».

Не смотри на тех, кто живет нерадиво, и не осуждай их, хотя бы их было великое множество. Каждый за себя даст ответ Богу.

Борьба (с помыслами) всегда должна быть, чтобы человек следил за собой.

Имей сто друзей, но ни одного советника.

Чтобы хранить совесть немощных, надо все делать аккуратно.

Кто хранит себя в чистоте, целомудрии, тому удобнее дается молитва.

Невоздержание наказывает душу и тело. Что сверх меры не питает, а вредит.

Многие лежали (больными), а полки бесов прогоняли (молитвой).

Смиряться себя перед Богом, учитесь самоукорению, считайте себя всегда и во всем хуже других и тогда приобретете мир душевный.

Помните, что смирение дается Богом, а вы, верно, стараетесь быть смиренной, готовитесь к этому? Вот у вас ничего и не выходит. А вы предайтесь воле Божией, всецело предайтесь ей в сознании полной своей немощи, и она научит вас смирению, научит вас всегда ходить перед Богом со страхом и трепетом, чувствовать всегда Господа нашего в сердце своем.

Уныние – смертный грех. Боритесь против него, призывая Имя Господа Иисуса, не предавайтесь ему никогда.

Помните, что Господь всегда с вами, хотя и невидимо, но Он здесь, около вас и смотрит на ваше брение. Он по любви к вам посылает вам скорби во укрепление веры вашей и сверх сил не пошлет вам искушения.

От помыслов приходящих не унывайте, а боритесь с ними, не принимайте их, смиренно прося помощи у Господа. И мы, грешные, в монастыре как бываем обуреваемы помыслами – на молитве даже и у Престола Божия! Так и сменяются, один другого чище, только встречай да провожай...

Благодатным чувством не услаждайтесь, а смирять себя, считая себя недостойными утешения. Примером имейте всегда святых отцов: когда достигали высшей степени святости, тогда считали себя еще более грешными и недостойными благодати Божией. Когда явился к одному из старцев демон в виде ангела и сказал: «Ты достиг высшей святости, радуйся!» – «Ты не ко мне явился, – отвечал старец, – Я грешнее всех живущих на земле и недостойн того, чтобы мне было такое видение». И отошел от него демон посрамленным.

Если после благодатных чувств и молитвы вдруг является сухость в молитве, бесчувственность, – не унывайте, не падайте духом, продолжайте усердно взывать ко Господу о помощи, жалуясь на свою немощь и «окамененное нечувствие»: «Ты видишь, Господи, что я без Тебя – ничто. Все во мне немощно, только сильны во мне пороки и страсти, научающие меня противиться всеблагодатной воле Твоей. Научи меня Сам покоряться Твоей воле. В руки Твоего преемственного милосердия вручаю душу и тело мое, чувства и глаголы моя и души моя движения». И Господь

услышит ваши молитвы, и когда нужно будет для вас и полезно, вернет вам благодать Свою. А отнимает Он ее смотрительно и благодатных чувств не усугубляет в нас грешных, жалея нас.

Храни всегда чистоту сердца, помни этот мой завет тебе! Да будет примером тебе во всем Пресвятая Дева Мария. У Нее учись кротости, смирению, всегда имей Ее образ перед собой и старайся подражать Ей во всем. Молись Ей всегда, призывай Ее на помощь. Да будет Матерь Божия тебе покровом и защитой. (Батюшка с особенным теплым чувством молился Матери Божией и как-то сказал, что слышал от Нее повеление «разбудить спящих»).

Господь посылает великое утешение в понимании служб церковных, песнопений и Слова Божия. Что это за бесконечная красота! Мы, грешные, раньше, бывало, слушали Слово Божие, слушали церковные песнопения и ничего они не говорили нашей душе. Когда коснется ее благодать Божия, ближе и ближе становится каждое слово и находишь в каждом слове все новую красоту и глубину.

В эту Пасху Господь утешил меня, грешного, великой радостью. В великую ночь празднования Воскресения Господа нашего Иисуса Христа во время всей дивной службы божественной умилился я душой. Обыкновенно и нас, грешных, как и вас непрестанно тревожат помыслы и приходится вести с ними непрестанную брань. А тут Господь послал мне великую тишину и мир душевный, и радость. Казалось мне во время крестного хода, да и потом, что уже больше не на земле я нахожусь, а на небе. И пение воскресных стихов и песен слышалось мне как пение ангелов... Но никогда не надо, даже в эти светлые великие дни всецело предаваться благодатным чувствам и утешаться ими. Надо всегда глубоко в сердце своем чувствовать и сознавать свою греховность, свое недостойнство и тогда еще сильнее будем чувствовать всю необъятность Божьего милосердия, посылающего нам, недостойным, столько благодати. Я, грешный, и в эти великие дни всегда повторяю молитву Ефрема Сирина («Господи и Владыко живота моего...»)

Не надо предаваться унынию, а всегда уповать на милосердие Божие. Когда случается впасть в прегрешения, надо тотчас же смириться перед Богом, покаяться, просить Его помощи и защиты, но чрезмерно унывать не надо – это от врага. « Чертог Твой вижу...» Какая это чудная молитва от уныния!

Духовная брань в вас усугубится, а мы-то, грешные, с какой силой испытываем ее. Как начнется иногда смятение помыслов, так и закружат, и с такой силой, что духа не переведешь, ослабеешь в борьбе

совсем и спасаешься одной молитвой, призывая молитвенную помощь отца своего духовного.

Не скорбите чрезмерно о прежних грехах ваших, но чувствуйте себя всегда виновной пред Господом. Если грехи (исповеданные) продолжают мучить совесть, то святые отцы говорят, что должно в них опять принести покаяние.

Ни в каких иных подвигах наше спасение – ни в поклонах, постах и прочем, – а в смирении, в любви к ближним. Если ближнего оскорбим – Господа оскорбим. С ближним в мире – с Господом в мире.

Демон постов не боится, а умной молитвы, когда ум вперяем в слова молитвы.

Иди средним царским путем, не вдаваясь в крайности. Проси смирения, без него нельзя, это главное, а еще послушание, но выше еще в жизни духовной – это рассуждение. Святые отцы говорят: «Велико смирение, оно одно сильно довести нас до Царствия Небесного, но без рассуждения оно ничто».

Нет ничего полезнее, как Бога благодарить за все случающееся приятное и неприятное и никого не винить, кроме самих себя.

Чтобы достигнуть любви, нужно прежде приобрести смирение и самоукорение, т.е. во всяком неприятном и скорбном случае винить себя, а не других.

Когда в скорбях и болезнях будем малодушествовать и роптать на других, а иногда и на Бога, то терпеть – не миновать, а пользы никакой не будет. Постараемся исправиться хотя и не делами, но, по крайней мере, душевным расположением: уничижением, смирением, самоукорением, а от сего придет к нам молитовка и милостью Божиею обрящем покой душам нашим.

Кто обращает всегда взоры свои на свои недостатки, тот всегда находит других лучше себя. И такой только стоит на пути неподательном.

Бог не требует от болящего трудов и подвигов. Чего требует? – Терпения, благодарения, молитвы и душевного благоустроения. Наблюдать надо над собой, чтобы дух не раздражался.

Все дело в помыслах, вернее – в борьбе с находящими помыслами. Должно не принимать их, а отражать их, ибо они от врага (печаль, уныние, сомнение, ропот, отчаяние). Единственное верное средство против наветующих бесов – это призывание Имени Божия.

Батюшкины записки, письма, сохраненные духовными чадами, утешают, вразумляют, наставляют:

Усердно желаю вам проводить сии святые дни в радости, мире между собою, в духовном преуспянии. Главное в смирении, самоукорении. Апостол пишет: «Не в квасе ветсем будем праздновать сию Пасху, но в обновлении духа». Будем стараться ежедневно прибавлять к добродетели добродетель. К смирению смирение, к терпению терпение, к молитве молитву. Положим за правило подливать в светильник свет, чтобы когда в полунощи придет Господь, выйти в сретение Жениха с горящими светильниками и с Ним войти в Небесный Чертог и вкусить духовной вечной радости... (Из общего пасхального письма-поздравления)

От души желаю подражать песнопению ангелов, и чтобы между вами были мир, любовь и согласие. Это – прежде всего. Тогда вы достойно будете праздновать сей великий праздник, тогда и с вами будет Рожденный от Пречистой Своей Матери Спаситель мира. Писание говорит: где мир, любовь – там Бог. В мире место Его. А чтобы достигнуть любви, прежде нужно приобрести смирение, самоукорение, т.е. во всяком неприятном случае должно возлагать вину на себя, а не на других. От этого душа успокоится. Еще советую во всем предаваться воле Божией, без которой ничего с нами не бывает. (Из Рождественского поздравительного письма)

Ты должна знать, что вся наша жизнь есть брань духовная. Лукавые духи стараются возмущать наши страсти и нарушать мир между нами. Ты, вступив на поприще сей брани и быв еще в упокоении благодати, как бы на Фаворе, думала, что всегда так будет. Но сему нельзя быть. Не победив страстей и не стяжав смирения, спокойствия нельзя получить. Не унывай и не бойся: Господь, призвавший тебя, научит и укрепит в подвиге сем, а ты должна иметь самоукорение и избегать самооправдания.

Между званием и наградой большой промежуток и поприще, на котором призванные имеют подвиг и брань противу невидимых врагов... но да не унываем, а призываем всегда всеильную помощь Божию и употребляем надежное оружие на врагов – смирение.

Благодать Божия утешала тебя как младенца (в начале пути), но ежели бы это продолжалось, то ты получила бы большой вред душе своей. Обольстясь оною радостью, ты бы впала в гордость духовную и пребыла неисцельна в сей прелести и никак не смогла бы смириться. А премилосердный Господь попустил тебе испытать несколько зноя скорбей...

Тогда мы любовь к Богу показуем, когда добльственно терпим находящие скорби и смиряемся в оных, считая себя достойными того. От

сего человек приходит в преспеяние велико и по мере смирения получает от Бога утешение, однако искать оно не должно, а оно само придет.

Помыслы хульные, известно, за гордость попускаются. Надо стараться иметь смирение и никого не осуждать, а помыслами оными не беспокоиться, считая оныя за ничто, ибо они не твои. Когда будешь смущаться, то враг будет нападать, а когда будешь презирать их, то исчезнут.

Гордость более всего лишает людей и добрых дел, и помощи Божией. Где нет света, там тьма, где нет смирения, там заступает место гордость, от которой да избавит тебя и всех нас Господь.

Ты получаешь утешения и скорби попеременно, это значит, что ты стоишь на истинном пути. От обоих случаев извлекай пользу: от скорбей – смирение и надежду, что стоишь на пути, которым шел Господь и все святые; приноси благодарение Господу. Через утешения, как от прохлады во время зноя, утверждайся еще более в надежде на вечная благая и паки благодари Господа. Но не желай всегда пребывать в утешении, это не полезно для души твоей. Предайся в волю Божию, Он знает, когда тебе что послать.

Знай, что причиной наших скорбей не люди, а страсти.

Читай отеческие книги и от них научайся житию духовному.

Как бы ты себя познала, когда бы никто тебя не тронул и не показал, какие в тебе кроются страсти? А ты от сего, познавши свою немощь, смиришься.

Ты считаешь жизнь свою тягостной. Господь сотворил нас не на плач, а на радость, но мы сами причиной того, что отравляем гордостью дни жизни нашей. Хотя не можешь сама собой одолеть какую страсть, смиришься – и успокоишься. Не надо смущаться и отчаиваться.

Самооправдание умножает беспокойство и вонзает в сердце злопомнение, от чего да избавит тебя Господь.

Если будешь укорять других и считать виноватыми в твоей скорби, то более скорбей на себя навлечешь и отяготишь свой крест.

Кто-то из посещавших Зосимову пустынь получил от отца Иннокентия молитву, переписал к себе в тетрадь, поставив дату – 16 февраля 1918г. Вот эта молитва:

Молитва батюшки Иннокентия

Благодарю и славлю Тебя, Господь и Бог мой, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым Промыслом Твоим, которыми Ты обличаешь неведомые мною страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на Страшном Суде Твоем, которыми искупишь меня от вечных мук ада.

1994 – 1998 гг.

Рассказ о первой Литургии и освящении храма в 1992 году

В воскресенье 28-го июня 1992 года Церковь праздновала память Всех святых, в земле Российской просиявших. В этот день было первое освящение еще не всего храма, а только придела Смоленского собора Зосимовой пустыни. И вот в числе прочих паломников рано утром я сошла с электрички. Надо было успеть на необычный для нас транспорт – военную зеленую машину, работавшую в тот день и час как автобус. Народу набралось много, «автобус» оказался набит битком. От горячего дыхания собравшихся быстро запотели окна, почти ничего за ними не видно, только общий фон – зеленый. И всюду грозная надпись крупными белыми буквами: «Стой, запретная зона!» Всюду, как и эти таблички, колючая проволока. Ничего не поделаешь – в Зосимовой пустыни уже давно разместилась воинская часть.

Машина останавливается перед воротами с той же запрещающей надписью. Скрипнув, створки ворот медленно поползли в разные стороны. Теперь видны какие-то строения, дачные домики, огороды. Набрав скорость, автобус взбирается на взгорок и через несколько минут всех высаживают на «площади».

Осматриваемся. Старые, явно еще монастырские краснокирпичные корпуса, кое-где достроенные, изуродованные. Множество гаражей, целый парк разных машин и всюду знакомые уже плакаты-призывы. Так встретила Зосимова пустынь на 70-м году своего запустения первых богомольцев.

Дорожка, основная, ведет к собору, давно лишенному своего законного завершения – креста. Да и как ему было уцелеть, если в соборе размещался клуб! Военные здесь давно и потому нет явной разрухи. Правда, местами дыры все-таки портят ограду, но они не на виду. Колокольню никак не использовали и на ней, обезглавленной, выросли молодые березки. От храма, который здесь в центре всего комплекса, бегут тропиночки. Некоторые из них асфальтированы. Лес, как и раньше (по воспоминаниям приезжавших), подступает близко ко всем корпусам. Кроны смыкаются над головой. Наверное, в дождь не вымокнешь. Здесь все рядом, и мы, оглядев, что можно (а внутри довольно много ограждений, не очень-то свободно можно ходить по дорожкам), подходим к единственной открытой двери храма, идем этой, южной, дверью в освобожденный военными придел преподобных Зосимы и Савватия.

Пахнет свежей краской. Устроен скромный иконостас с тремя иконами: Господа Вседержителя в рост, Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и преподобного Серафима Саровского. Первые две закованы в металлическую, с высоким рельефом ризу. Третья – живописная, открытая, очень неплохо сохранившаяся и, главное, с очень хорошим выражением молитвенной сосредоточенности и мягкости лица Преподобного. Выше – небольшие изображения двенадесятих праздников. Еще выше – икона Тайной Вечери. Еще никто из духовенства не приехал. Прибывают только паломники, вернее – паломницы. У входа в храм стоит большой деревянный крест. Внесли столик, расположили на нем свечи, брошюры. Их можно взять и положить деньги на восстановление обители – кто сколько может. Принесли охапку полевых цветов, и несколько женщин стали из них делать живой ковер-дорожку, ведущую от ворот к храму и вокруг него.

Стали появляться мужчины, молодые ребята, целые семьи. В храме из обломка надгробной плиты сделали временный «канун», который быстро засветился живыми огоньками свечей. Приехал священник из Сергиева Посада и сразу начал читать молитвы к исповеди. Его тут же окружила плотная толпа. Прибыли насельницы ближайшего – Александровского, монастыря помочь организовать праздничную трапезу.

Наконец, пронесся слух: «Владыка приехал!» Запели «входное». Владыка Евлогий обратился к собравшимся с приветственным словом, в котором сказал и о том, что еще в 1861 году вставал вопрос о канонизации старца Зосимы, но тогда она не состоялась. Теперь же краткую литию сменил тропарь преподобным (общий) и величание. Так бывает на канонизации.^[1] Затем началось освящение престола. На стене светлой желтой краской высоко были начертаны кресты.

Открыли Царские врата. Священство вошло в алтарь, откуда стали доноситься слова псалмов и ектений. Вдруг раздался резкий стук – это «утверждают трапезу», то есть забивают камнями гвозди. Через некоторое время Царские врата открываются, народ преклоняет колена, читается молитва, в алтаре освящают Престол, а на клиросе снова и снова повторяют псалом «Коль возлюблена селения Твоя, Господи сил!» Наконец все священство вышло из алтаря и владыка длинным шестом начертал крест на заранее намеченных местах: над входом, над оконными проемами.

Когда появились хоругви и вынесли иконы, все присоединились к крестному ходу. Медленно шли вокруг храма. Пел хор Александровского монастыря. В храм вошли только певчие, все остались у закрытых ворот.

На призыв: «Возьмите врата...» из глубины храма доносится: «Кто есть сей Царь Славы...» Читается молитва входа и утверждающе звучит: «ГОСПОДЬ СИЛ, ТОЙ ЕСТЬ ЦАРЬ СЛАВЫ». Впускают всех, и весь народ опускается на колени, пока читают молитву. Ектенья, 6-й час... и первая в этом приделе ЛИТУРГИЯ после почти 70-ти лет молчания!

Причастников много. Когда всех желающих причастили, владыка стал говорить о той радости, какую дал Господь – освящении придела, где под спудом – сам основатель пустыни.

После литургии настоятель отец Порфирий возглавил «чин Панагии». Все пошли к воротам, потом стали подниматься по старой, узкой лестнице. В довольно обширном зале со сводчатым потолком (у военных здесь размещался читальный зал) была приготовлена трапеза. Было много военных. После владыки выступал полковник в отставке и сказал о необходимости объединить усилия двух армий – воинов и монахов. В связи с Куликовской битвой вспомнили благоверного князя Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского. Говорили о необходимости знакомить солдат с основами христианского вероучения...

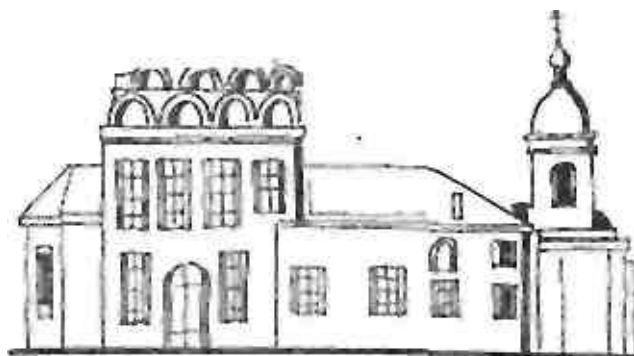
Обратно всех развозили на той же машине-автобусе. Пахло донником. У платформы пестрели ромашки. Через редкие сосны виден был золотистый закат. Думалось: «Дай-то Бог, чтобы обитель стала для многих молитвенным прибежищем, уголком умиротворения и духовного преображения!»

1992-й г.

Храм во имя святых мучеников Флора и Лавра был сооружен в

XVIII в. на средства жителей ямской слободы, позже названной Старый Ям. В 1990 г. полуразрушенное здание храма возвратили верующим. Богослужения в храме совершаются ежедневно. Ведутся большие реставрационные работы, возводится разрушенная колокольня. Если вы желаете оказать помощь в восстановлении храма, пожертвования можно послать по адресу: 142030 Московская обл., Домодедовский р-н, с. Ям, храм сев. мучеников Флора и Лавра. Доехать до храма можно автобусом № 439 от станции метро «Домодедовская», остановка «Село Ям», или электричкой от Павелецкого вокзала до станции «Ленинская».

Тихвинская церковь в Алексеевском построена в 1676–1682 годах и освящена в честь чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери (память 28 июня/9 июля). В храме четыре придела: во имя преподобного Алексия, человека Божия (память 17/30 марта) преподобного Сергия, игумена Радонежского (память 25 сентября /8 октября и 5/18 июля); святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца (память 6/19 декабря и 9/22 мая); мученика Трифона, чудотворца (память 1/14 февраля). Особо чтимыми святынями церкви являются Тихвинский образ Пресвятой Богородицы, точная копия пещеры Гроба Господня и образ Пресвятой Богородицы «Прибавление ума». Рядом с храмом расположено Алексеевское кладбище, на котором находятся могилы Зосимовского старца иеросхимонаха Иннокентия и известной в Москве старицы схимонахини Никодимы.

Хотя церковь в Алексеевском никогда не закрывалась, в настоящее время возникла необходимость в ремонте фасада. В храме будут молитвенно благодарны всем жертвователям и благотворителям. Банковские реквизиты православного прихода Тихвинского храма в Алексеевском: ИНН 7717082120 р/с 40703810900001006790 в АКБ «Бизнес» г. Москвы к/с 30101810600000000478 ПИК 044525478.

*Почтовый адрес храма: 129366, Москва, Церковная горка, дом 26-а.
Проезд: до станции метро «ВДНХ» (новый - «южный» – выход).*

Содержание

Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии монахиня Варвара (Пильнева)	1
Иеросхимонах Иннокентий (Орешкин)	2
Воспоминания о бабушке Иннокентии	13
Завещание иеросхимонаха Иннокентия	34
Молитва бабушки Иннокентия	41
Рассказ о первой Литургии и освящении храма в 1992 году	42